

Цензура преследовала Райкина даже на Би-би-си

Эту историю принес в редакцию Максим Исаакович Райкин — брат великого Аркадия Райкина. Долгое время он работал в возглавляемом А. И. Райкиным Ленинградском государственном театре миниатюр.

КАК СЛУЧИЛОСЬ, что мы два раза ездили в Лондон, для нас всех было большой загадкой. Министерство культуры и высшее партийное руководство насмерть стояли, не желая нас отправлять в капиталистические страны. А тут вдруг нам сообщили, что мы должны поехать в Англию. Нам купили билеты на самолет, дали сопровождающего человека из министерства (без такого деятеля не обходилась ни одна поездка), и театр вылетел в Лондон.

Устроили нас в небольшой, но очень уютной гостинице «Принц Уэльский», неподалеку от знаменитого Гайд-парка. Поразило то, что в этом парке нет забора, но есть ворота. Утром служитель их открывает, а вечером закрывает на замок. Естественно, нам сразу же захотелось пройтись по улицам, посмотреть город, витрины магазинов, погулять в очаровательном парке, но... сопровождающий из министерства строго-настрого запретил куда-либо ходить без него. Этот «искусствовед» был твердо уверен, что театр состоит, с одной стороны, из шпионов, готовых на первом же углу разгласить государственную тайну, а с другой — из перебежчиков. И все мы в первые же часы пребывания в капиталистической стране будем просить политического убежища. Поэтому, когда актеры вместе с ним вышли из гостиницы, он не разрешил удаляться от него дальше чем на десять шагов.

— Куда вы все рветесь, идите ко мне, — говорил он любому, кто пытался подой-

ти к витрине магазина и посмотреть на цены, которые, как вы сами понимаете, нас всех очень интересовали. — Не смейте от меня отходить!

И мы, как стадо баранов, ходили по улицам, не имея возможности отойти в сторону от нашего поводыря. Когда после такой прогулки все возвратились в гостиницу, я сказал Владимиру Ляховицкому, с которым жил в одном номере:

— Могу поспорить, что наш пастух сейчас спустится в вестибюль и будет нас караулить до утра.

Было смешно и грустно, но я оказался прав. Он сидел почти все ночи в баре и пил пиво, внимательно наблюдая помутневшими глазами, не исчезнет ли кто-нибудь из наших в знаменитом лондонском тумане. А днем, когда у нас шли репетиции, он отсыпался от тяжелой и очень ответственной работы. Подобные люди нам уже встречались. Вспоминаю поездку в Польшу. С нами тоже был человек из министерства. Когда мы прибыли в Варшаву, он собрал нас всех вместе и сказал:

— Вы можете ходить куда угодно, я вас не ограничиваю, но у меня ко всем будет большая просьба. Если вы куда-нибудь захотите пойти, позвоните мне и скажите, куда, а когда вернетесь — доложите, что пришли.

Мы выполнили его просьбу в точности. Нас было двадцать пять человек, и мы с интервалами в десять минут с семи часов утра до часу ночи стали ему звонить и докладывать: я ушел, я пришел... Через день он взмолился и отменил свою просьбу. Но то была Варшава, дружественная нам Польша. А тут Англия, где каждый человек — потенциальный наш враг, а артисты Ленинградского государственного театра миниатюр — полушпионы, полуспионы, полуперебежчики.

Для нас сняли репетиционный зал в церкви, недалеко от нашей гостиницы, и мы приступили к прогону спектакля. Аркадий Исаакович очень волновался. Одно дело выступать в России, где всем понятны наши проблемы, другое — показать спектакль в Англии, говоря при этом не на родном языке.

На второй день пришел сотрудник Би-би-си и сказал:

— Вы на меня не обращайте внимания, продолжайте работать, — и, развернув огромный лист бумаги, стал во время нашего прогона что-то в нем пометать. На третий день появился еще один человек, потом еще, они принесли такие же листы, похожие на афиши, и делали на них какие-то не понятные для нас пометки. Потом мы узнали, что это были оператор, звуко-режиссер и художник по свету. Осветитель отмечал, где какую лампу, софит или про-

На снимке: Аркадий Райкин с супругой и сыном.

жектор надо включить. Звукорежиссер фиксировал наши мизансцены, помечая, какой микрофон должен будет работать. Оператор решал, какую миниатюру и с какой точки он будет снимать. Так они ходили со своими листами три дня, заставляя нас играть все с начала до конца. Когда мы через неделю перешли в студию Би-би-си, они уже так хорошо знали, что им надо делать, что не потребовалось никакой дополнительной репетиции.

ДИСЦИПЛИНА у сотрудников Би-би-си была потрясающая. Все делалось по звонку. Начался рабочий день, и все цеха одновременно приступили к своим обязанностям. Мы стали репетировать, рабочие сцены устанавливали декорации, операторы были заняты своим делом, осветители своим. Но когда прозвучал звонок на обед, рабочий, забывавший гвоздь, отложил молоток в сторону и пошел в кафе, как и все другие сотрудники, работающие вместе с нами. До окончания миниатюры, которую мы тогда репетировали, оставалось каких-то две трети фразы. Мы попросили режиссера, работавшего вместе с нами, закончить ее, но он отказался, сказав, что начался обед. И наши актеры, оставив репетиционную площадку, пошли в кафе. Там, на удивление всем нам, Аркадию Исааковичу никто не уступил места. Райкин встал в очередь за рабочим сцены, за ним встал осветитель и кто-то из наших коллег. Было необычно смотреть на местных служащих, не заискивающих перед заграничной знаменитостью. Я на минуточку представил себе ситуацию: к нам в студию приехал актер с мировым именем, и его по-обычно смотрят на местных служащих, не заискивающих перед заграничной знаменитостью. Я на минуточку представил себе ситуацию: к нам в студию приехал актер с мировым именем, и его по-обычно смотрят на местных служащих, не заискивающих перед заграничной знаменитостью. Я на минуточку представил себе ситуацию: к нам в студию приехал актер с мировым именем, и его по-обычно смотрят на местных служащих, не заискивающих перед заграничной знаменитостью.

ключения должны за это время успеть спокойно пообедать.

Время в день съемок шло катастрофически быстро, и мы все не заметили, как наступил решающий вечер. В определенный час все службы были готовы. В зрительный зал запустили публику, и мы сыграли свой спектакль, который был заснят без дублей, с одного раза. Зрители реагировали на каждую реплику, на каждую остроту именно там, где обычно была реакция в нашей стране. Успех был потрясающий. Этим спектаклем был открыт еще один канал Би-би-си.

Когда Райкин вместе с режиссером и менеджером Хокхаузером после банкета возвращался в гостиницу, англичане рассказали Аркадию Исааковичу о том, как наше Министерство культуры чинило препятствия его приезду. «Договор был заключен на сумму, предложенную вашими чиновниками», — сказал Хокхаузер. — Мы ждали, что вы в скором времени прилетите в Лондон, но этого не случилось. Наступила пауза, после которой ваше министерство запросило за ваш приезд намного большую сумму. Очевидно, рассчитывая на то, что мы от вас откажемся. Мы согласились и на эти условия. И опять наступила пауза, после чего была в третий раз увеличена сумма. Теперь уже была пауза с нашей стороны. Но все же мы не отказались от вашего приезда. Вы же понимаете, сказал продюсер, так не поступают деловые люди. Если уж договариваются один раз, никто из партнеров не имеет права менять условия, как это делали ваши чиновники. Поэтому многие антрепренеры не хотят с вами иметь дело. Но мы все же очень рады, что вы и ваш театр сейчас у нас и нам удалось заснять ваш уникальный спектакль».

Пресса была великолепная.

Райкина причислили к пяти самым выдающимся комикам мира.

В ЭТОЙ поездке был очень интересный эпизод. В спектакле, который мы привезли на Би-би-си, была очень острая миниатюра В. Полякова, которая называлась «Непостижимо». Заключалась она в следующем. У начальника пропала голова, и никто, ни один человек этого не заметил — ни секретарша, ни ревизор, ни собственная жена. Сделана была эта сценка очень интересно. Райкин стоял на авансцене, разговаривал с публикой, потом мгновенно, как он это умел делать, уходил в середину занавеса, который раскрывался. И все зрители видели его уже сидящим в кресле.

— Интересно, что пишут сегодня в прессе, — говорил он и прикрывал голову газетой, а когда отпускал руки — все зрители были поражены: голова его куда-то исчезла. Руки и ноги двигались, а думавшей части тела не было. Потом начальник сам замечал свою пропажу, звонил домой, просил жену посмотреть, не оставил ли он ее дома. На вешалке ее нет? В галоши она не закатилась? А потом, убедившись, что ни секретарша, ни ревизор ничего не замечают, махал рукой и говорил: «А черт с ней, с головой», — и продолжал дальше работать. После чего Райкин снова выходил из-за кулис, и зрители буквально застыли в полном недоумении. Потом они все в один голос говорили: мы же видели, как он при нас сел в кресло, у него исчезла голова, но тело же осталось. И вдруг в конце миниатюры он появляется на сцене снова. Эта какая-то фантазмагория!

Этот трюк придумал режиссер и художник Николай Павлович Акимов. Мы с Аркадием Исааковичем играли эту роль вдвоем, и ни один человек не мог догадаться, как это было сделано. Фокус производил ошеломляющее впечатление. Но самое главное было не в трюке, а в смысле этой миниатюры. Нами слишком часто руководят безголовые люди, но этого никто не замечает или, еще хуже, не хотят этого видеть.

Когда мы показали эту миниатюру на Би-би-си, она всем очень понравилась, но местные цензоры сказали, что эта сатира не на вашего бюрократа, которого в конечном счете можно выгнать с работы, а на бюрократа английского, который обладает огромной финансовой силой и который на свое место ставит своего наследника. И будь он хоть трижды дурак, но, если он имеет деньги, никто его с этой должности не прогонит. И миниатюру Владимира Полякова «Непостижимо» на английском телевидении не пропустили.

Максим РАЙКИН.